

«сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» (стр. 57—58).

2. Установление форм этноса и их соотношения с другими типами общностей (народность, нация, субэтносы и др.).

3. Учет многослойности и лабильности (например, в культурном аспекте) историко-этнографических общностей.

4. Необходимость изучения взаимопересечений большого числа этнических общностей, создающих сложную сеть, отражающую пространственное строение культуры «этнических союзов» (например, в СССР).

5. Исследование культуры этнической общности как одного из важнейших компонентов этноса.

Можно было бы значительно увеличить перечень этнографических понятий, терминов и проблем, имеющих значение для лингвистики на пути ее пересечения с этнографией. Однако дело не только в этом. Фундаментальная в самом строгом смысле этого слова книга Ю. В. Бромлея дает ценный материал, идеи, методические «подсказки» для изучения общих проблем социологии языка, его истории, состояний, ситуаций, развития, соотношения с культурой.

Г. В. Степанов

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982, 357 с.

Рецензируемая коллективная монография представляет итог многолетней работы группы историков и лингвистов* — сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР, возглавлявшейся Г. Г. Литавриным и покойным В. Д. Королюком.

Предмет исследования — этнические процессы у древних славян на переломном этапе их этнической и социальной истории, начиная с распада древнеславянской этнической общности и появления племен и племенных союзов до возникновения первых раннефеодальных государственных образований славянских народов, т. е. с V—VII по XI—XII вв.

Композиционное построение труда, строго подчиненное основному замыслу, придает ему законченность. Целостному восприятию основной концепции способствуют две первые обобщающие главы — «Древняя славянская этническая общность» (авторы: В. Д. Королюк, Г. Г. Литаврин, Б. Н. Флоря) и «Ранние этноязыковые контакты славян на Балканах и лексика южных славян» (Л. А. Гиндин, В. Э. Орел), отчасти «Введение» (В. Д. Королюк и Г. Г. Литаврин), в особенности же «Заключение» (те же авторы), представляющее не просто повторение выводов глав, а теоретическое обобщение более высокого уровня. Чтобы завершить характеристику структуры книги, отметим, что она снабжена «Аннотированным указателем-словариком этнических наименований», а также «Указателем личных имен и географических названий». В «Приложении» дан перевод сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей» со «Словариком терминов» и «Указателем собственных имен и географических названий» к этому сочинению. К сожалению, отсутствует в монографии элементарный предметный указатель; это тем более досадно, что используемые в ней многочисленные понятия и термины представляют интерес не только для читателей-специалистов, но и для более широкого круга лиц, желающих познать «тайны» глубокого средневековья.

Опираясь на свидетельства письменных источников и археологический материал, авторский коллектив поставил своей задачей воссоздать процесс эволюции этнического самосознания древних славян, уделив особое внимание формированию самосознания феодальной народности — древнерусской, болгарской, чешской, польской, хорватской, сербской. В книге также прослежены этапы этнической истории славянского населения Великоморавского княжества и междуречья Эльбы и Одера.

Авторам удалось четко наметить три этапа в развитии этнического самосознания славян в эпоху раннего средневековья: первый соответствует переходу, когда славянская общность была еще слабо дифференцированной и занимала сравнительно небольшую территорию; второй — периоду интенсивной этносоциальной и этнокультурной дифференциации славянской общности и образования военно-территориальных племенных союзов; третий — периоду создания раннефеодальных государств и возникновения самостоятельных народностей.

Предложенная модель реконструкции этнического самосознания славян раннефеодальной эпохи может, на наш взгляд, оказаться полезной при изучении аналогичных процессов у населения и других историко-географических регионов, с учетом, конечно, их специфики. С наибольшими трудностями авторы столкнулись при изучении первого этапа ввиду отсутствия сколько-нибудь достоверной информации. Для этого этапа

* Авторский коллектив: В. Д. Королюк (отв. ред.), Г. Г. Литаврин (зам. отв. ред.), Л. А. Гиндин, В. В. Иванов, Я. Д. Исаевич, Е. П. Наумов, В. Э. Орел, А. И. Рогов, Г. Э. Санчук, Н. И. Толстой, Б. Н. Флоря.

характерно, как полагают авторы книги, опираясь порой лишь на логические доводы, наличие двойственного самосознания — сознания принадлежности как к собственному племени, так и к общеславянской общности. Если первый «ряд» самосознания, может быть, и не нуждается в особых доказательствах, поскольку племенное самосознание и есть первооснова этнического, то второй «ряд» несомненно нуждается в них. Аргументы, приводимые авторами в пользу гипотезы о существовании общеславянского самосознания, достаточно весомы, хотя фактов, непосредственно подтверждающих ее, не так уж много. Это, во-первых, наличие общеупотребительного этнонима «славяне» и, во-вторых, общность языка и некоторых этнокультурных признаков, в совокупности позволяющих славянам отличать себя от других, «чужих». Внимания заслуживает вывод, сделанный на основе анализа архаичных вариантов зафиксированных в источниках преданий о том, что основным элементом племенного самосознания было сознание общности происхождения (от воображаемого единого предка). Характерное для второго этапа союзно-племенное самосознание определяется в книге как промежуточная (между племенным и общеславянским сознанием) форма этнического самосознания.

В усложнившейся, таким образом, иерархической структуре самосознания сосуществуют (переплетаясь, но не сливаясь), по-видимому, три его вида.

Всесторонне и глубоко разработана в монографии проблема «народностного» самосознания феодальной эпохи, возникающего в ходе длительной эволюции всех прежних форм этнического самосознания и представляющего, по определению авторов, его качественно новый уровень. Важное значение при этом придается государству, способствующему упрочению сознания этнокультурного единства населения подвластной ему территории, особенно если население это моноэтническое или близкое по языку и культуре.

С появлением раннефеодальных государств в источниках отождествляются понятия «подданство» и «этнос» с понятием принадлежности к определенной этнической общности. Наряду с рассмотрением этого, можно сказать, магистрального направления этнических процессов в раннефеодальном государстве в книге подвергнут анализу интересный феномен складывания территориального (областного, земельного) сознания, не обязательно связанного с определенным этносом и этническими представлениями. Этот вопрос заслуживает дальнейшего изучения и потому, что рудименты областного самосознания и земельного патриотизма (в германских государствах, например) не до конца преодолевались и в ходе формирования современных наций буржуазной эпохи и даже на первых этапах существования национальных государств. Авторы вполне отдают себе отчет в том, что, анализируя этническое самосознание различных уровней феодального общества, они характеризуют общность с развитой социальной структурой, разделенную на антагонистические классы, противоположность интересов которых, выраженная в известной ленинской формуле «о двух культурах», находит выражение и в самосознании феодальной народности. Само собой разумеется, что имеющиеся в их распоряжении источники, отражающие, как правило, идеологию господствующих классов данного общества, позволяют исследовать самосознание преимущественно определенных слоев власти имущих, которое, как подчеркивается в работе, могло значительно отличаться от самосознания других сословий.

В этой связи полезными для дальнейшей разработки темы представляются многие наблюдения авторов. Так, они отмечают, что с развитием и консолидацией раннефеодальных народностей постепенно ослабевало у широких слоев населения сознание принадлежности к славянской общности; поддерживалось же и даже возрождалось оно представителями средневековой «интеллигенции», тесно связанной с господствующим классом. Важное значение имеет и вывод о том, что общеславянское самосознание было по своему содержанию не политическим (т. е. ориентированным на политическое объединение различных государственных образований), а этнокультурным. Этническому самосознанию раннефеодальной народности, как подчеркивают авторы, было свойственно представление о наличии общего, единого для всех славянских народов языка (несмотря на языковую дифференциацию); иными словами, представление об особом языке еще не стало составным элементом структуры народностного самосознания.

Что касается генезиса феодальной народности, то особого внимания заслуживает здесь анализ соотношения различных уровней этнического самосознания — союзно-племенного, регионального и общеславянского: последнее постепенно теряло доминирующее значение, народностное же самосознание развивалось, по-видимому, преимущественно на базе первых двух. Однако известная противоречивость развиваемой авторами концепции все же ощутима: они считают общеславянское самосознание характерным для периода до образования государств, но в то же время прекрасно понимают, что единство материальной культуры славян и их определенная этнокультурная общность сами по себе еще не означают осознания этой общности славянскими племенами и народностями различных регионов обширного ареала и что «вряд ли у них существовало сколько-нибудь отчетливое представление о масштабах территории, заселенной этим единоплеменным народом» (с. 256). Последнее положение подтверждают весомые доводы, подкрепленные конкретно-историческим и филологическим анализом. Некоторое сомнение вызывает правомерность употребления термина «народ» в данном контексте.

Возникновение «более отчетливого» общеславянского самосознания авторы относят к X—XII вв., справедливо полагая, что оно могло появиться не у широких слоев населения, а у весьма ограниченного круга образованных и грамотных лиц. Этот феномен был, по-видимому, весьма краткосрочным, ибо с развитием раннефеодальной государственности и завершением процесса формирования раннефеодальных славянских народностей все прочие формы этнического самосознания властно вытесняются народ-

ностным самосознанием, хотя длительное время сохраняются рудименты его прежних форм.

Не в порядке упрека, а как бы в развитие идей, выдвинутых авторами, отметим: на наш взгляд, есть все основания предполагать, что наивысший расцвет сознания общеславянской общности (и опять-таки прежде всего у образованной элиты славянских народов) приходится лишь на конец XVIII—начало XIX в., на эпоху пробуждения народов ареала к самостоятельной национальной жизни, т. е. на тот сравнительно короткий отрезок времени, когда шел ускоренный процесс складывания самостоятельных наций буржуазной эпохи, но когда на самом деле славянской общности не было и в помине.

Особый интерес представляет процесс формирования болгарской народности, возникшей в отличие от других славянских народностей в результате синтеза массы местных славянских племен («этнический субстрат») и тюрко-протоболгарского пришлого элемента («этнический суперстрат»); в этом межэтническом синтезе важную роль, по мнению авторов, сыграла не только малочисленность протоболгар, давших свое этническое наименование новой народности, но и различие хозяйственно-культурных типов у обоих его участников. Дальнейшее изучение этногенетических процессов на Балканах потребует, вероятно, широкого привлечения антропологических данных для оценки роли автохтонного субстрата (фракийского, иллирийского и пр.)¹, но это не относится непосредственно к теме исследования.

Прямое же отношение к ней имеет упомянутая на с. 27 гипотеза В. Д. Королюка о «тенденции к консолидации славянского этноса» в рамках всего славянского мира в VII в. Нам представляется, что эту гипотезу следовало аргументировать более обстоятельно в свете новейших исследований и выводов авторов. Она основана на повсеместном распространении этнонима «славяне» (в том числе в ареале расселения «антов»), но не подкреплена достаточно убедительными доказательствами. К тому же преобладающей тенденцией этносоциального развития славян в это время следует, видимо, считать процессы дезинтеграции племен и их консолидацию на уровне союзно-племенных объединений (Славиний).

Поскольку языковые процессы отражаются в той или иной степени в этническом самосознании, позволяя судить о его содержании, характере, даже о степени зрелости и уровне, то принципиальное значение имеют уже упоминавшаяся вторая («Ранние этноязыковые контакты славян на Балканах и лексика южных славян») и одиннадцатая («Диалектные членения славянской языковой общности и единство древнего славянского мира»; автор В. В. Иванов) главы монографии.

Новыми моментами в исследовании ранних этноязыковых контактов на Балканах являются выход за рамки традиционной для лингвистики фракийско- и иллирийско-славянской проблематики, а также постановка вопросов о раннеалбанско-фракийских заимствованиях, о характере раннеалбанско-славянских контактов, о путях образования восточнороманского языка и о славянском влиянии на этот процесс.

Важным вкладом в разработку концепции этнического самосознания древних славян представляются два убедительно обоснованных вывода В. В. Иванова: 1) о наличии у древних славян развитой народнопоэтической речи (которую он почему-то именует «дописанным литературным языком»?); унаследованной от общеиндоевропейского языка и содержащей «все необходимые предпосылки» для переводов священных текстов (с. 221—222) и 2) о роли этой народно-поэтической традиции в длительном сохранении «ощущения единства этноса в целом» (с. 222). Вместе с тем, как констатирует В. В. Иванов, в результате распада праславянского языка и развития его диалектов к IX—X вв. созрели предпосылки для этнокультурного обособления отдельных групп славян (этносов), а к концу XII в. в значительной мере утрачивается и языковое единство славянского мира.

Оценка этих двух лингвистических глав по существу — дело, конечно, специалистов, однако можно с уверенностью сказать, что этнолингвистические аспекты проблематики книги раскрыты в них достаточно широко, а главное — в тесной связи с этносоциальными процессами.

Чрезвычайно трудная задача решается в четвертой главе — «О самосознании великоморавской народности» (автор Б. Н. Флоря). Образование Великоморавского княжества, одного из первых раннефеодальных славянских государств, само по себе еще не является бесспорным доказательством существования либо формирования этноса в узком смысле этого слова (этникоса), отличного от соседних славянских этникосов и имеющего собственное этническое самосознание. Прямых доказательств тому нет и в «Житиях» Кирилла и Мефодия, что Б. Н. Флоря справедливо объясняет идеологической позицией авторов «Житий», рассматривавших славян как единую общность. Анализируя сведения письменных источников и археологические памятники, Б. Н. Флоря тем не менее склоняется к позитивному решению вопроса о развитии этнического самосознания у моравян в период существования Великой Моравии, остерегаясь вместе с тем поспешных, хотя и соблазнительных выводов. Те же скрупулезность и осторожность проявляет автор и при рассмотрении дискуссионного вопроса о словацком континенте.

Весьма содержательны и остальные, не упомянутые в этой по необходимости краткой рецензии, главы — о путях формирования раннефеодальной чешской народности, народности древнепольской, хорватской народности и др. Думается, что при естест-

¹ На это обратил внимание Ю. В. Бромлей, см. его работу «Современные проблемы этнографии». М.: Наука, 1981, с. 260—261.

венной неравноценности 12 глав книги достигнуто необходимое для монографического исследования концептуальное единство.

Особого внимания и одобрения заслуживает опыт сотрудничества лингвистов и историков. Постичь и охарактеризовать этническое самосознание не только в процессе его складывания, но и в статическом состоянии — задача нелегкая и применительно к современной нам эпохе, когда наука располагает мощным арсеналом средств исследования и разработанной методикой. Во сто крат труднее реконструировать этноисторические процессы раннего средневековья при почти полном отсутствии аутентичных источников, фрагментарности и скудости сведений, к тому же сообщаемых преимущественно в источниках вторичных. Именно последним обстоятельством и отчасти недостаточной разработанностью методики комплексных исследований объясняются в значительной степени имеющиеся в работе пробелы. Мы остановимся на них несколько подробнее, учитывая начатое в основном тем же авторским коллективом исследование этнического самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XII—XIV вв. Нам представляется, что большее внимание в монографии следовало уделить межэтническим контактам, не ограничиваясь при этом пределами только славянского мира. В рецензируемом труде контакты с неславянскими этносами отражены в лингвистических главах полнее, чем в исторических. Между тем современная этнография уже давно пришла к выводу, что «основное содержание этнического самосознания» составляют «представления о характерных чертах прежде всего своего, а отчасти и чужих этносов».² Более того, эти оговорки — «прежде всего» и «отчасти» — могут легко отпасть, если контактирующие общности будут рассматриваться в диалектическом единстве, ибо «мы» и «они» суть понятия неразрывно связанные, и этнические процессы ареала Центральной и Юго-Восточной Европы должны изучаться как целостная система. Важно включить в круг будущего исследования и те неславянские этносоциальные общности ареала, контакт с которыми у славянских племен, позднее народностей, был более интенсивным, чем между отдельными ветвями славянства (восточной, западной и южной), разделенными не только обширными пространствами, но (что не менее существенно) и границами раннефеодальных государств, а с расколом христианской церкви в XI в. на латинскую и восточную (ортодоксальную) — и границами религиозными, ставшими впоследствии по существу культурными.

Ограничение рамок рецензируемого исследования пределами славянского мира, рациональное в применении к этапу существования древнеславянской этнической общности, таит опасность искусственно урезанного восприятия реальной исторической действительности. Это тем более обидно, что авторы, изучая специфику развития каждой народности в отдельности, не упускают из вида не только то общее, что объединяло славян, но и проявление закономерностей общен исторического процесса, не знающих этнических границ.

Первые раннефеодальные государства у славян, как и у неславян ареала, возникли приблизительно одновременно — в IX—XI вв., а у западных их соседей еще раньше, что не могло не отразиться на этносоциальном развитии славян. Очевидно, надо было распространить часто повторяемую формулу об общности исторических судеб на все народы, с которыми славяне вступали в разнообразные контакты, ставшие особенно интенсивными уже с эпохи великих переселений. Современная этнографическая наука придает особенно важное значение роли общности исторических судеб, в частности фактору переселения в становлении этнического самосознания³. Следовательно, сам фактор контактов должен рассматриваться на конкретно-историческом материале как составной элемент этнического самосознания, отражающего и аккумулирующего в преобразованном, разумеется, виде эти контакты, синтезируемые в конечном счете в историческом сознании каждого народа.

При всей бесспорности общепризнанного ныне положения об иерархичности этнического, в данном случае народностного, самосознания авторам предстоит еще решить вопрос об иерархии составляющих его компонентов. Разной трактовкой этого вопроса, по-видимому, и объясняются некоторые диспропорции в оценке авторами различных компонентов этнического самосознания. Проблема эта, имеющая и теоретико-методологический, и конкретно-исторический аспекты, к сожалению, недостаточно рассмотрена во «Введении» и «Заключении» монографии. Можно предположить, что набор, комбинация элементов этнического самосознания будут различными в зависимости от хода и особенностей исторического процесса на каждом данном этапе. Однако теоретически необходимо установить, что является более важным: комбинация всех элементов или же один из них, выступающий в качестве этнообразующего (этнодифференцирующего в отдельных случаях) фактора.

В новом труде желательно уделить больше внимания этноисторическим и этнокультурным аспектам этнического самосознания, в частности, связи обычаев, особенностей быта и т. д. с культурно-хозяйственным типом, отражению последнего в фольклоре и народной культуре вообще, месту обыденного сознания в системе этнического самосознания, учитывая, что народность представляет не только этносоциальный организм, но и определенный этнокультурный тип. Эту задачу можно решить в содружестве с этнографами и фольклористами.

Следовало бы уточнить и более обстоятельно обосновать границы исследуемого ареала, имея в виду их историческую подвижность, ибо рассматривать всю Восточную, Центральную и Юго-Восточную Европу в качестве «единого историко-географического пространства», как это делают авторы, допустимо только на некоторых этапах исторического процесса.

² См. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 99.

³ См. Там же, с. 104 и сл.

Книги, как гласит известное латинское изречение, имеют собственную судьбу. Несомненно, что и эта книга, начав жить своей жизнью, принесет пользу всем, кого интересуют проблемы этнического самосознания, и не только народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Используя достижения истории, археологии и лингвистики, а также теоретико-методологические разработки советской этнографической науки, авторский коллектив сумел создать междисциплинарный труд — весомое «вещественное доказательство» плодотворности комплексного сравнительно-исторического подхода к изучению системных явлений историко-культурного процесса.

Т. М. Исламов

НАРОДЫ СССР

Н. Г. Волкова, Г. Н. Джавахишвили. Бытовая культура Грузии XIX—XX веков: традиции и инновации. М.: Наука, 1982. 238 с., илл., карта.

Изучение этнографии Грузии имеет давние и богатые традиции. Но даже на этом фоне выход в свет рецензируемой книги, которая, кстати, уже стала библиографической редкостью, сразу же вызвал большой интерес как у специалистов, так и у широких кругов читателей, в частности в Грузии. Интерес общественности к книге обусловлен в первую очередь ее высоким научным уровнем. Авторы поставили задачу осветить динамику развития культуры и традиций грузинского народа во времени и пространстве и осмыслить основные закономерности их развития на протяжении двух последних столетий. Сразу же хочется подчеркнуть, что поставленная цель авторами достигнута. Мы затрудняемся назвать какой-либо труд, который бы так полно и последовательно ознакомил читателя с бытовой культурой и традициями грузинского народа, охваченными в столь широких исследовательских рамках.

Работа состоит из введения, двух частей, заключения и глоссария грузинских терминов. Книга снабжена картой, пользуясь которой, читатель может определить территориальную привязку встречаемой в карте географической номенклатуры. Правда, на карте несколько неточно локализованы Картли и Джавахети, не указаны Лечхуми и Гудамакари.

Особо хочется сказать об иллюстрациях. На страницах книги помещены 60 фотографий, 42 рисунка и цветная вклейка. Иллюстративный материал своей наглядностью помогает восприятию текстовой части, тем более что он тщательно подобран. Особенно интересны исторические фотографии, выявленные авторами в музейных фондах страны. Они точно характеризуют отражаемые объекты, фиксируя в наиболее типичных образах разнообразие традиционной бытовой культуры грузин в ее социальных и локальных срезах.

Во введении авторы на высоком научном уровне знакомят с сутью исследуемого вопроса, степенью его изученности как до революции, так и в советский период, с характером и значением использованных источников, основными вехами исторического развития страны.

Как было сказано, книга включает две части. В первой дается монографическое описание грузинской бытовой культуры XIX—XX вв. Оно составлено по достаточно традиционной схеме, в данном случае традиция себя снова оправдала. Читатель получает исчерпывающие сведения по жилищу, пище, одежде и общественно-семейному быту грузин. К сожалению, авторы почти не рассматривают богатейшую традиционную духовную культуру грузинского народа. Однако не вызывает сомнения, что для познавательных задач исследования рассмотренный материал вполне достаточен. Вместе с тем следует признать, что в любом этнографическом описании возможны некоторые упущения, известная неполнота собранных сведений. Претензии такого рода можно предъявить и к рецензируемой книге.

Знакомя читателя с жилыми постройками Хеви (современный Казбегский район), авторы пишут: «У мохевцев в этот период основным типом жилища были старые одноэтажные квиткири и новые двухэтажные дома с галереями» (с. 31). В данном случае авторы ссылаются на этнографические очерки великого грузинского писателя Александра Казбеги. Однако в действительности он писал, о том, что для Хеви в прошлом были типичны двухэтажные дома с фасадными балконами¹. Вообще же сравнительно полное представление о жилых постройках в Хеви авторы могли получить из специального исследования В. Д. Итонишвили², которое, однако, было ими вообще опущено.

¹ Казбеги А. Мохевцы и их жизнь. — В кн.: Казбеги А. Поли. собр. соч. Т. V. Тбилиси: Сабчота мцeralи, 1951, с. 33 (на груз. яз.).

² Итонишвили В. Д. Жилые постройки в Хеви в прошлом и настоящем. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1967 (на груз. яз.).